

Abstract. In modern business media discourse, there is an interaction of two trends in relation to Russian proverbs: the traditional functioning of proverbs as a component of the speech of the author or other subjects of speech, and distancing in relation to the traditional language culture through involvement in a language game, challenging and perception from an external position.

Keywords: media discourse, business media discourse, media text, proverb, traditional language culture.

УДК 811.16'371

С. Г. Шулежкова

СВЕРХСЛОВНЫЕ ВЕРБАЛИЗАТОРЫ КОНЦЕПТОВ «ДОБРО» И «ЗЛО» В ДРЕВНЕЙШИХ СЛАВЯНСКИХ ТЕКСТАХ

Аннотация. Представления о добре и зле были широко отражены в наддиалектном языке славян Средневековья. Однако христианская вера внесла коррективы в славянскую языковую картину мира. Доказательством тому служат активно используемые в старославянских текстах сверхсловные вербализаторы концептов «Добро» и «Зло», которые занимали ключевые позиции в системе этических ценностей славян X–XI веков.

Ключевые слова: диада «Добро» – «Зло», общеславянский литературный язык Средневековья, устойчивый словесный комплекс, христианские ценности.

В эпоху, предшествовавшую принятию христианства, славяне осознавали свое «этническое единство» [1, с. 22], и слависты единодушны в признании того факта, что в VII–IX вв. славяне пользовались общим наддиалектным разговорным языком. Создание же славянской письменности и «международного надэтнического литературного языка» [2, с. 49] еще больше укрепляло это этническое самосознание, а новая вера упала на такую благодатную почву, что сам результат сочетания славянской культуры и христианской религии был оценен одним из выдающихся отечественных славистов, Н. И. Толстым, как «славянское христианство» [3, с. 48]. Именно в эпоху христианизации славянский менталитет обогащается новыми идеями, а нравственные категории обретают новые черты. Это в полной мере отразилось на составе устойчивых словесных комплексов (далее – УСК) общеславянского литературного языка X–XI в., которые отмечены нравственной семантикой. К важнейшим из них, помимо сверхсловных единиц, входящих в поле вербализаторов концепта «Благодать», относятся УСК, характеризующие представления славян о добре и зле. Вербализаторы концептов «Добро» и «Зло», занимавших важнейшее место в дохристианском менталитете славян, после крещения обогатились новыми семантическими гранями.

Абсолютное большинство памятников общеславянского литературного языка Средневековья пронизано христианскими идеями. В жанровом отношении они представляют собой евангелия, псалтыри, жития святых, фрагменты церковных служб, сборники отрывков из богословских трактатов, первоисточники которых были выполнены на греческом языке. Переводя их для новообращенных христиан, Кирилл и Мефодий вместе со своими учениками «создавали сакральный общеславянский язык, язык богослужения» и тем «возвышали славянскую речь», возводили ее «в чин сакрального языка, языка, по своим функциям и возможностям равного латинскому и греческому»; культура славянская, в соответствии с планами Кирилла и Мефодия, «должна была занять и вскоре заняла место рядом с культурами романо-германской в латино-языковом обличье и греческой в ее поздней византийской форме» [3, с. 45–46]. Этот успех не в последнюю очередь был обеспечен безошибочно выбранной переводческой стратегией византийских ученых. Учитывая осознание многочисленными славянскими племе-

нами своей этнической общности, солунские братья и их последователи, во-первых, опирались на общеславянский лексико-фразеологический фонд; во-вторых, использовали для обозначения новых христианских идей славянскую религиозную терминологию, придавая языческим конфессиональным единицам (типа богъ, св#тыи, грѣхъ и пр.) новые христианские значения; в-третьих, они активно занимались образованием новых лексем, опираясь на законы славянского словообразования (см. об этом монографию «Старославянская словообразовательная морфемика» [4]) и, что особенно важно по отношению к теме нашего исследования, создали немало сверхсловных неологизмов по продуктивным славянским моделям, используя в качестве семантических центров новых УСК славянские слова-полисеманты. При сопоставлении с греческими источниками выяснилось, что на месте обычных греческих слов в старославянских памятниках нередко обнаруживаются сверхсловные языковые единицы. Что же касается сложных греческих лексем, то аналогами для них в старославянских текстах, как правило, служат УСК. Лишь в 2003 г. известным ученым Ю. А. Найдой, который 60 лет занимался переводами библейских текстов на туземные языки, был научно обоснован прием, опробованный Кириллом и Мефодием в 60-е годы IX в.: «... Найда высказал идею, что даже в условиях лексического дефицита всегда вполне можно передать на неподготовленном языке смысл христианского Свщ. Писания. Для этого надо отказаться от пословного перевода и прибегать к контекстному конструированию новых слово-сочетаний, пригодных для определенного контекста» (цит. по: [5, с. 245]) (Выделено нами. – С. Ш.). Напрашивается предположение: не предугадали ли Кирилл и Мефодий в IX в.(!) зарождавшуюся в славянских языках тенденцию, о которой пишут отечественные исследователи применительно к современному русскому языку: «Наивная картина мира чем дальше, тем больше отражается не только в словах, но и в устойчивых воспроизводимых словесных комплексах. За каждым из таких комплексов стоит в философии – симулякр, в когнитивной лингвистике – когнитивно обработанная ментальная сущность, некая идея, лежащая в основе представления об окружающей действительности. Симулякр – подобие. Логоэпистема, извлекаемая из памяти, – подобие более привычной (традиционной!) единицы коммуникации – слова» [6, с. 12]. И далее: «Логоэпистема есть единица коммуникативного пространства. Это подобие слова, если иметь в виду коммуникативную задачу, но она не всегда равна слову <...> это артефакт культуры, искусственно установленный знак. Знак, потому что способствует возникновению мысли о чём-то ином <...> что в составляющих логоэпистему смыслах слов не содержится <...> знак-символ» [6, с. 13] (Выделено нами. – С. Ш.).

Под влиянием христианского учения аксиологическая система славян, которая представляла собой, как и в современных национальных языках, совокупность *диад*, построенных по принципу «ценность – антиценность» (см. об этом: [7, с. 5–6]), значительно пополнилась новыми элементами (такими, как *Вѣкъ съи – Вѣкъ бѣдыи / бѣдѣсти*, *Во~ небесънии – Воиско земьно~*, *Жизнь вѣчънатаѣ – Жизнь вѣчънаѣ*, *Врѣмѣньнии*, *Вѣра крѣстигалънскаѣ* [11] – *Идолъско~ слоужени~* и пр.) Исконные же аксиологические пары (Правда – Лъжь, Жизнь – Съмръть, Св#тыи – Грѣшьникъ, Господь – Рабъ, Весели~ – ГПечаль и пр.) обогатились новыми семами, подсказанными христианским вероучением. Диада Добро – Зъло примыкает к этому второму ряду «ценностей» – «антиценностей», представленному не только лексическими, но и фразеологическими средствами в древнейших славянских текстах. Часть сверхсловных единиц, характеризующих эти ценности и антиценности, описана в ряде наших публикаций (см., например, [8; 9; 10; 11]), а также в «Большом фразеологическом словаре старославянского языка» [12].

«Славянское письмо, книги славянского письма – извечный столп нашего культурного самосознания», – не без основания писал автор книги «В поисках единства»,

посвященной истории славян, их культуры и объединяющей роли русского мира в их судьбах [1, с. 31]. В древнейших славянских текстах действительно кроются истоки нашего современного мировоззрения, в том числе наше представление о добре и зле. Историк и социолог В. Ф. Чеснокова в монографии «О русском национальном характере» (изданной под псевдонимом К. Касьянова), характеризуя «качества личности» современного русского человека, называет как важнейшие из них «справедливость», «стремление к добродетели», «стремление найти истину», не зависящую от личных потребностей, «встать на объективную точку зрения», «судить о себе со стороны» [13, с. 220], а также «верность моральным принципам» [Там же, с. 243].

О том, насколько глубоко волновали нравственные проблемы наших предков, свидетельствуют сверхсловные языковые единицы, использованные в старославянских текстах. Десятки старославянских УСК отражают ценностные ориентиры средневековых славян, характеризуют их отношение к вере и безверию, к жизни и смерти, к праведным и неправедным поступкам своих современников. УСК дают читателю представление о том, как славяне, принявшие христианство, относились к тем, кто нарушает божьи заповеди, чего ждали они от власть имущих, как расценивали и как искупали собственные грехи. В талантливой монографии «Средневековый человек в зеркале старославянского языка» Т. И. Вендина вполне обоснованно пишет: «Этические ценности средневекового общества были также неразрывно связаны с религиозными, причем не просто связаны, а проистекали от них, так как познание человеком самого себя и своих отношений с другими людьми были одновременно познанием добра и зла, что естественным образом отразилось на формировании средневекового общества» [14, с. 296].

Некоторые сверхсловные языковые единицы нравственной тематики уже попали в лексикографические издания. Так, в «Старославянском словаре (по рукописям X–XI веков)», помимо шести УСК с компонентом добръ (добро (~сть), добра (tal) днѣль, добро врѣмѣ, добра рода, добръ вонѣти, добръ мѣдровати) [15, с. 192]), помещено 34 лексемы из словообразовательного гнезда с корнем добр-. Четыре из них однокорневые: «ДОБРО нареч. καλός хорошо, ДОБРОТА, -ы ж. ἀγαθότης, ἀρετή добродетель; ДОБРЪ, -ьи прил. καλῶς 1. ἀγαθός, περικαλλής, εὐλαβής, ἥδύς, εὐθαλής, ἐνάρετος, εὐγενής, καλλίνικος, χρηστός, συναετός (!) <...> хороший, добрый <...> добро в знач. суц. τὸ ἀγαθόν, τὰ ἀγαθά, τὸ καλόν, τὰ καλά добро <...> ДОБРѣ нареч. 1. καλῶς, γνησίως, εὔ, ἀκριβῶς, προθύμως (!), θερμῶς (!), χαριέτως <...> хорошо <...> правильно...» [Там же, с. 190–192]. Что же касается остальных 30, то это лексемы, возникшие из УСК путем словосложения: добровони~ из добра tal вонѣти 1 ('благоухание', 'аромат'); доброговѣни~ из добро (~) говѣни~ ('набожность', 'благочестие'); добродѣлни~ ('добродетель', 'добрые дела') из добро днѣти; добротворити из добро творити ('делать добро'); добророди~ ('знатность') из добра рода и т. д. Аналогично представлены в том же словаре однословные и сверхсловные языковые единицы, в которых фигурирует корень зъл-. Авторы-составители в 17 памятниках, признанных ими каноническими старославянскими, помимо 25 лексем с корнем зъл-, описали 13 УСК с компонентами, содержащими тот же корень. Из однословных единиц семь оказались однокоренными (зълѡба, зълѡбивъ, зълѡбити, зълѡбовати, зълѡбь, зълъ, зълъ, зълѣ); прочие же представляют собой лексемы, образованные с помощью словосложения на основе УСК: зълѡвѣри~ 'безбожие' и зълѡвѣръство 'ложная вера', 'ересь' – от зълѡ tal вѣра\$; зълѡдѣни 'причиняющий зло', 'злодей', и зълѡдѣни ни~ 'злодеяние', 'злодейство' – от зълѡ днѣти; зълѡнравьнь 'дурного нрава', 'безнравственный' – от зълѡи нравъ\$; зълѡ страдати 'испытывать страдания' – от зълѡ страдати и пр. [Там же, с. 239–241].

В готовящемся к изданию 3-м томе БФССЯ описаны десятки УСК, в состав которых входят компоненты либо с корнем добр-, либо с корнем зъл-. Абсолютное их большинство находятся в антонимических отношениях: добръ чловѣкъ – зълъ чловѣкъ; добро дѣло – зѣло дѣло; добро врѣмѣ – зѣло врѣмѣ, добра вонѣл – зѣла вонѣл l; добро дѣлѣ ти – зѣло дѣлѣ ти; добро (~) жити~ – зѣло (~) жити~; добрии помысли – зѣлии помысли; добро творити – зѣло творити и пр. При этом все УСК, содержащие компонент добръ, обладают эмоционально-положительной коннотацией, а их семантика, как правило, обогащена семей соответствия христианской этике. Так, в отрывке из «Похвалы о сорока мучениках» при описании поведения матери одного из отроков-христиан, подвергнутого страшным мучениям, употреблено несколько УСК с компонентом добръ. Своими руками подняв выдержавшего пытки сына, женщина-христианка положила его на повозку, которая везла тела умерших мучеников для сожжения на костре, и благословила его «идти на добрый путь»:

а матери добры матери повесть да выкнѣтъ• матери ~д'ного блаженыхъ• тѣхъ видѣвши прокыхъ• оуже остудени\ оумеръшъ• а сво~го иначе дыша\шта• за сило\ и за сътрѣпѣни~ лютихъ• оставѣл\ штемъ ~го кѣн-земъ• гал коже могѣшта нѣкако размыслити• сама своима рѣкама въземъши на ramo• възложи на кола• на нихъже прочии леж-ште• на огонь везоми бѣхѣ• по истинѣ матери мѣченича• не испусти бо слъзѣ немошѣнѣ\• ни извѣштала ничьсоже• ни смѣрено ни недостойнои врѣмени• нѣ иди рече w с(ы)ноу на добръи пѣть• съ тѣчники своими и съ другы своими• не отвѣчи с-лика• не покажи с-послѣжде инѣхъ владычѣ по истинѣ• добра корене добра же и лѣторосль• показа доблѣлѣ матери• гал ко оучениими бл҃гѣмъ вѣры въскрѣмила и паче• неже млѣкомъ• [Супр 96: 8–19].

Компонент добръ здесь реализует семы 'правильный', 'истинно христианский', а оборот ити на добръ пѣть означает 'поступать в соответствии с заповедями Христа'. Оборот добра, матери, неоднократно встречающийся не только в «Похвале о 40 мучениках», но и в других житиях, служит названием женщины, воспитывающей своих детей в строгом соответствии с христианской этикой. Атрибутивный УСК добра корене указывает на знатное, благородное происхождение персонажа, однако в старославянском контексте он обычно применяется по отношению к представителям семей, где не только потомки, но и предки являются христианами.

УСК добро~ дѣло / добра гал l дѣла в памятниках X–XI вв. используются в значении 'поступок / поступки, линия поведения, которые соответствуют учению Христа':

такое да просвѣтитъ с# свѣтъ вашъ прѣдъ чловѣкѣ• да оузър#тъ ваша добралѣ дѣла• [(Мф 5: 16) Ват 141: 22–24 118(fol 30v)]; ^вѣта имъ _с(оус)ъ• многа дѣла добра да гал хъ вамъ ^ о(тъ)ца мо~го• за ко~ихъ дѣло камение на м# мета~те• ^вѣташа иудѣи гл(агол)юте• о добрѣ дѣлѣ не мечемъ камени~мъ на т#• нѣ о власвимии• [(Ин 10: 32–33) Арх 56: 9–14]; ~же оубо правовѣрноу вѣроу имѣти• wсновани гал добрыхъ дѣлъ ~сть• [Изб 1076: 29.2: 7–9].

УСК с компонентом, содержащим корень зъл-, напротив, отмечены экспрессивно-отрицательной коннотацией. Например, оборот зѣло творити / сътворити (кому) означает 'наносить / нанести вред (кому-либо); совершать / совершить действия, причиняющие / причинившие ущерб и страдания (кому-либо)'; зѣло\, зѣлодѣско\ смърти\ оумирати // /оумрѣти – 'скончаться в тяжких уни-

зительных мучениях'; зълъ глаголъ – 'оскорбительные, клеветнические высказывания'; зълъ доухъ – 'бесплотное сверхъестественное существо, противостоящее, по христианскому вероучению, Всевышнему и оказывающее отрицательное воздействие на природу и жизнь человека'; пръвыи зълъ – 'дьявол, сатана'; зълъи помыслъ, зълъи помысли, зълъи мысли – 'о дурных, плохих намерениях, замыслах'; зълъ оумрѣти – 'принять мученическую смерть; скончаться, жестоко страдая' и пр. Все подобные сверхсловные языковые единицы называют действия, явления, мысли, заслуживающие осуждения с точки зрения христианского учения, в основе которого лежат любовь, благодать и милосердие:

Игемонъ же рече имъ• чѣто бо зѣло сѣтвори они же изпиха вѣпиа1 ахѣ гл(агол)\ме• да расп#тъ бѣдетъ• [(Мф 27: 23) Остр 197bb: 17-18 – 198aa: 1-6]; мѣс-ца марта въ •ăi• мѣчени~ с(в-)тааго саина• Цѣсарьствоу\штоу диоклети1ану• заповѣдъ посла по вѣсеи вѣселеннѣ• Іакоже вѣсѣм(ъ) не покор-штиимъ с-заповѣди ~го• и не жърѣштии богомъ• мѣчени бываште зълѣ(\) сѣмрѣти\ оумрѣти• [Супр 144: 29 – 145: 1-4]; Блаженъ есте егда понос#тъ вамъ• чл(овѣ)ц_ и ижденѣтъ вы• и рекѣтъ вѣсь зълъ гл(агол)ъ• на вы лѣжѣште мене ради• [Ac 113d: 11–18, с. 226]; коупно же и проказѣства лѣкавааго вѣды и бож с-• ~да отъ многааго попеченьтѣ• бесѣмрѣтнѣ\ болѣзнь нанесеть• до двою или до трии часъ• тако без милости лѣвѣ\ рѣкѣ къ огню придѣ# трѣпѣше• донелиже оудове рѣчьныхъ прѣстъ изгорѣвѣше отъпадош-• то же сотониньскимъ къзнемъ противѣла# с- творѣше• Іакоже ~моу отъ огнѣ прибыва\штѣ\ болѣзнь\ несѣтрѣпмѣ\ зѣлоуоумоу помыслоу не наити на срьдце• [Супр 516: 220–30 – 517: 1]; Повелѣ же во~вода вѣвести ~го (василиска) въ храмъ аполоновъ и жрѣти• аште ли не хоштеть• то вѣскорѣ сѣмрѣти\ погоубити і• изведѣше же и би\ште глаголаахѣ• вѣлѣзъ въ храмъ жѣри• повелѣ бо во~вода или жърѣ избыти ти• помысли оубо да не зълѣ оумрѣши• вѣроу# къ невидимому богу• [Супр 20: 3–11]; Заклина\ т# д(оу)ше зѣлы• б(о)гомъ саваотомъ• _ в'сѣмъ воинь-ствомъ аѣт(ѣте)лы б(о)жьи• атанаилемъ• б(о)гомъ в'седръжителемъ• _ зиди отиди• Заклина\ т# б(о)гомъ сѣтворѣшимъ в'с'чѣскаа• _ с(в#)тымъ д(оу)хомъ• и единач#дымъ с(ы)номъ• [Син евх 52a: 7–14, с. 127].

Таким образом, компонент с корнем зълъ поддерживает у сверхсловных языковых единиц сему морального осуждения с точки зрения христианского мировоззрения и экспрессивно-отрицательную коннотацию точно так же, как компонент добръ обеспечивает УСК сему морального одобрения и экспрессивно-положительную коннотацию в рамках новозаветной этики. Эта категоричность, исключая неопределенность или промежуточность, градацию нравственных оценок, по мнению автора книги «Язык. Культура. Познание», свойственна и самым многочисленным потомкам средневековых славян, русским: «...русские точно так же эмоциональны и склонны к крайностям при выражении морального восторга, как и при выражении морального осуждения» [16, с. 83].

Список использованных источников

1. Трубачёв, О. Н. В поисках единства / О. Н. Трубачёв. – М. : Наука. 1992. – 186 с.

2. Толстой, Н. И. Древняя славянская письменность и становление этнического самосознания у славян / Н. И. Толстой // Н. И. Толстой. Избранные труды, том II. Славянская литературно-языковая ситуация. – М. : «Языки русской культуры», 1998. – С. 49–65.
3. Толстой, Н. И. Кирилло-мефодиевская традиция у славян / Н. И. Толстой // Н. И. Толстой. Избранные труды, том II. Славянская литературно-языковая ситуация. – М. : «Языки русской культуры», 1998. – С. 43–48.
4. Ефимова, В. С. Старославянская словообразовательная морфемика / В. С. Ефимова. – М. : Институт славяноведения РАН, 2006. – 366 с.
5. Верещагин, Е. М. Кирилло-Мефодиевское книжное наследие. Межъязыковые, межкультурные, межвременные и междисциплинарные разыскания. С двумя приложениями / Е. М. Верещагин. – М. : Индрик, 2012. – 520 с.
6. Бурвикова, Н. Д. Воспроизводимые сочетания слов в коммуникативном пространстве носителя русского языка / Н. Д. Бурвикова, В. Г. Костомаров // Языковая личность: текст, словарь, образ мира. К 70-летию чл.-корр. РАН Ю. Н. Караулова : сб. статей. – М. : Издательство РУДН, 2006. – С. 11–16.
7. Байрамова, Л. К. Счастье и несчастье как ценность и антиценность во фразеологической парадигме / Л. К. Байрамова. – Казань : Центр инновационных технологий, 2011. – 276 с.
8. Шулежкова, С. Г. Вера и безверие в славянских текстах X–XI вв. сквозь фразеологическую призму (глава в научной монографии) / С. Г. Шулежкова // Логический анализ языка. Понятие веры в различных языках и культурах: в 2 ч. : колл. монография / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, М. Л. Ковшова. – М. : Гнозис, 2019. – С. 564–576.
9. Шулежкова, С. Г. Трансформация представлений славян о жертве и жертвенности, отражённая в памятниках X–XI вв. / С. Г. Шулежкова // Материалы XIII Междунар. науч. конф. «Языковые категории и единицы: синтагматический аспект», посвящённая 90-летию проф. А. Б. Копелиовича и 100-летию пед. образования во Владимирской области (г. Владимир, 24–26 сентября 2019 г.) / отв. ред. М. В. Пименова. – Владимир : Изд-во «Транзит-Икс», 2019. – С. 464–470.
10. Шулежкова, С. Г. Христианские ценности, отраженные фразеологическими средствами в славянских текстах X–XI вв. / С. Г. Шулежкова // Аксиологические аспекты современных филологических исследований : тез. докл. Междунар. науч. конф. (15–17 октября 2019 г.) / отв. ред. Н. А. Купина. – Екатеринбург : Издательский дом «Ажур», 2019. – С. 160–163.
11. Shulezhkova, S. The Linguistic World-Image of the Medieval Slavs Through the Phraseological Prism / S. Shulezhkova, P. Kostina // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. Volum 86. – WUT, 2020. – P. 1548–1553.
12. БФССЯ 2020: Большой фразеологический словарь старославянского языка / Научно-исследовательская словарная лаборатория МГТУ им. Г. И. Носова / гл. ред. С. Г. Шулежкова; авторы-составители: С. Г. Шулежкова, С. А. Анохина, А. А. Осипова, А. Н. Михин, В. Ф. Хайдарова. – М. : Флинта, 2020. – Т. 1 : Авити / / галвити днло – въврѣгнѣти, въврѣпти въ петь огньѣ. – 552 с.
13. Касьянова, К. О русском национальном характере / К. Касьянова. – М. : Институт национальной модели экономики, 1994. – 367 с.
14. Вендина, Т. И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка / Т. И. Вендина. – М. : Индрик, 2002. – 336 с.
15. Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) : около 10 000 слов / Э. Благова, Р. М. Цейтлин, С. Геродес и др. / под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. – М. : Русский язык, 1994. – 842 с.
16. Вежбицкая, А. Русский язык / А. Вежбицкая // А. Вежбицкая. Язык. Культура. Познание ; пер. с англ. Г. Е. Крейдлина. – М. : Русские словари, 1997. – С. 33–88.

Принятые сокращения

- Арх – Архангельское евангелие 1092 года: евангелие апракос краткий (РГБ, М., 1666), 178 л.
 Ас – *Evangeliiā assemanūv. Kodex Vatikānský 3. slovanský. Díl II. Úvod, text v přepise cyrilském, poznámky textové, seznamy čtení* / vydal J. Kurz. – Praha : Nakladatelství Československé Akademie Věd, 1955. – 322 s.

Ват – Кръстанов, Тр. Ватиканско евангелие. Старобългарски кирилски апракос Хв.в папалимпсестен кодекс Vat Cr 2502 / Т. Кръстанов, А.-М. Тотоманова, И. Добрев. – София : СИ-БАЛ, 1996. – 216 с.

Изб 1076 – Изборник 1076 г. (РНБ, Эрм. 20), 277 л. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.manuscripts.ru/mns/main?p_text=44358474.

Остр – Остромирово евангелие 1056–1057 г. Иждивением Потомственного Почетного Гражданина Ильи Кирилловича Савинкова. – 2-е (фототип.) изд. – СПб. : Фото-Литография А.Ф. Маркова, Невский просп., № 34, 1889. – 294 с.

Син евх – Nachtigal R. Euchologium sinaiticum. Fotografski posnetek; II. Tekst s komentarjem. – Ljubljana, 1941 – 1942. – 296 s.

Супр – Супрасльская рукопись / трудъ Сергѣя Северьянова // Памятники старославянскаго языка. – Т. II. Вып. 1. – СПб. : Тип. Императ. акад. наук, 1904. – 570 с. Evangeliař assemanův. Kodex Vatikánský 3. slovanský. Díl II. Úvod, text v přepise cyrilském, poznámky textové, seznamy čterní / vydal J. Kurz. – Praha : Nakladatelství Československé Akademie Věd, 1955. – 322 s.

Abstract. The notions of good and evil were widely and variously reflected in the super-dialectal variant of the language of the Medieval Slavs. The Christian faith made some adjustments to the linguistic picture of the world of the Slavs. This fact is proved by numerous set units which verbalize concepts “ДОБРО” and “ЗЪЛО” and are used in the Old Church Slavonic texts.

Keywords: Diad “Good” – “Evil”, common literary language of the medieval Slavs, set unit, Christian values.

УДК 81'42:392.3:398.91(=161.2)

О. В. Яковлева

ВЕРБАЛІЗАЦІЯ РОДИННИХ СТОСУНКІВ В УКРАЇНСЬКИХ ПРИСЛІВ'ЯХ І ПРИКАЗКАХ

Анотація. Об'єктом уваги даної розвідки були стосунки між членами української сім'ї, які склалися тисячоліттями і які збережені в текстах фразем. В рамках сім'ї описуються взвезомозв'язки між чоловіком і його дружиною, ставлення батьків до дітей, зокрема до сина та дочки; схарактеризовані стосунки з некровними родичами, які стають членами сім'ї після одруження дітей. Подаються оцінні характеристики різних членів родини.

Ключові слова: сім'я, родина, чоловік, жінка, син, дочка, невістка, свекруха, теща, зять.

Поняття «родина», «сім'я» для українців, як і для інших народів, є надзвичайно важливими і цінними. До того ж, ці поняття є дуже давніми. В. Таранець, відомий український лінгвіст, посилаючись на інших науковців, писав: «Основною ланкою, що пов'язувала сім'ю стародавньої людини в одну сукупність, була спорідненість усіх, хто проживав у цій сім'ї. Тобто, всі члени сім'ї належали до одного роду» [1, с. 97]. Родину утворювали кілька сімей, і це вже в історії людства називали *общиною*. Останні об'єднувалися у племена. Археологічні та етнографічні дані свідчать, що всі вищеназвані суспільні угруповання проживали на території України в післяльодовиковий період. Відомо, що «сім'я – община – плем'я» були характерними для індоєвропейців у давнину та у період після розпаду мови-основи [там само, с. 98]. Етимологічні розвідки В. Таранця дозволили автору припустити, «що іє. *dom*- мало значення “сім'я”, в якій основну функцію виконувала жінка. Більше того, розвиток слова зі значенням “мати” передбачається у напрямку: іє. *doma-ter* “одна в сім'ї, старша в сім'ї” – *matar* “мати”» [1, с. 100].

Основою сім'ї є союз чоловіка та жінки. Лінгвістичні дані показують, що в протиставленні цих понять назва *жінка* була первинною як більш значуща для того часу людина в родовому колективі [1, с. 127].

Форму сімейного побуту український народ переніс із землі на небо так само, «як і всі народи з давніх давен в свої міфології перенесли поперед усього землю на небо»